

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

330 МВт, которые заменили на газовые по 400 МВт. «Они дешевле и их быстрее строить, — поясняет гендиректор Станислав Невейницын, — и мы нашли газ».

Ни для кого не секрет, что любой владелец генерирующей компании или электростанции при возможности использовать газ в качестве основного топлива для своего актива строительство угольной генерации даже не станет рассматривать. Поэтому угольные блоки строят там, где газа нет, зато уголь рядом.

Одно из таких мест — Дальний Восток, а точнее, его граница с Китаем. Уже не первый год прорабатывается огромный — 6000 МВт — проект строительства угольных электростанций, ориентированных на экспорт электроэнергии в Китай. О намерении участвовать в нем заявляла СУЭК. Но вопрос застрял на политическом уровне. Китай готов гарантировать спрос при определенной цене электроэнергии, которая выгодна с точки зрения экономики проекта. Но при таких условиях может получиться, что Россия дотирует дешевой энергией промышленное производство Китая в приграничных территориях.

Еще одна проблема — оборудование. Задумав построить энергоблок на 660 МВт на Троицкой ГРЭС, ОГК-2 столкнулась с ситуацией, когда в России не производят силовое оборудование такой мощности. Есть только опытные образцы, не проверенные практикой. Заказ был сделан в Китае. Однако это оскорбило российских производителей. Дело дошло до заявлений Госдумы: комитет по экономической политике и предпринимательству в конце марта планировал обратиться к занимавшему тогда пост премьер-министра Виктору Зубкову с просьбой разобраться в причинах такого заказа. Однако дальше заявлений дело не пошло.

Угольные станции не только дороже и дольше строить, их эффективность ощутимо меньше. Средний КПД пылеугольной станции — 34%, современной ПГУ — 45%. Проблемы есть и с транспортировкой угля. Во-первых, чем больше транспортное звено, тем больше затраты. А во-вторых, в стране не хватает вагонов.

Эксперты считают планы по увеличению угольной генерации, заявленные в Генсхеме, нереалистичными. «Лозунг в Генсхеме о росте доли угля в топливном балансе популистский и не на чем не основан. Для этого необходима государственная программа, которая бы толкала энергетиков к увеличению использования угля. В противном случае сами новые собственники станций при прочих равных будут выбирать строительство новых газовых станций или вообще могут сократить программу строительства, увеличив сроки ввода объектов», — говорит Сергей Пикин.

«Что ждет отечественную угольную генерацию в будущем? Если судить по сегодняшней ситуации — то перспективы не очень хорошие. Строк строительства угольной ТЭС — от 7 лет, то есть если мы хотим получить новые угольные киловатты в 2015 году, строить необходимо уже сейчас. Именно строить, а не искать и утверждать площадку под строительство, проектировать и согласовывать — это еще минимум 1,5–2 года. Что же будет реально сделано? Максимум — расширение мощностей на уже действующих угольных ТЭС и модернизация имеющихся энергоблоков. Но о достижении заявленных в Генсхеме до 2020 года параметров, по крайней мере в области угольной генерации, речи, к сожалению, идти не может. Время уже упущено», — считает Александр Григорьев.

ПОКУПАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ? «Отрасли нужны разные инвесторы, собственники с разной ориентацией», — говорил Анатолий Чубайс в одном из своих последних интервью на посту главы РАО ЕЭС. Это глобальный взгляд, но и более предметный не дает возможности говорить, что присутствие угольных компаний как собственников генерации — это плохо. В отличие от «Газпро-

ОСНОВНОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬ УГЛЯ РАЗРЕЗА «КАЛТАНСКИЙ» — ЮЖНО-КУЗБАССКАЯ ГРЭС. АКЦИОНЕР РАЗРЕЗА — «КУЗБАССРАЗРЕЗУГОЛЬ»

ма» у угольных компаний нет возможности «закрыть доступ к трубе» для конкурентов их ТГК. Угольным станциям приходится конкурировать не столько друг с другом, сколько с более дешевыми мощностями.

Конкуренция хороша для снижения издержек, но она может оказаться тормозом обновления угольных мощностей. Коалиция НПО обеспокоена скоростью модернизации тепловой энергетики и темпами вывода неэффективного оборудования. «В соответствии с Генеральной схемой размещения объектов электроэнергетики предполагается вывести из эксплуатации к 2020 году только 7,2 ГВт угольных мощностей из нынешних 58,1 ГВт и при этом ввести в эксплуатацию 40–80 ГВт новых мощностей», — отмечается в материалах коалиции. Таким образом, предполагается, что парк угольных станций на 37–50% будет состоять из нынешних неэффективных угольных ТЭС.

По мнению организации, генерирующие компании должны быть заинтересованы в оптимизации электропот-

ребления и теплопотребления на стадии конечного потребителя с целью ускоренного вывода неэффективных мощностей. «В противном случае генерирующие компании будут вынуждены эксплуатировать парк неэффективных ТЭС для удовлетворения неоправданно растущего энергопотребления», — говорится в материалах.

КУДА ПРИВОДИТ УГОЛЬ Угольные компании купили энергоактивы с целью хеджирования рисков по снабжению своих производств и в надежде заработать на цепочке «топливо–электроэнергия». Последнее весьма вероятно для СУЭК, которая готовится к IPO в будущем году. Эксперты отмечают, что владение генерацией повысит цену продажи компании.

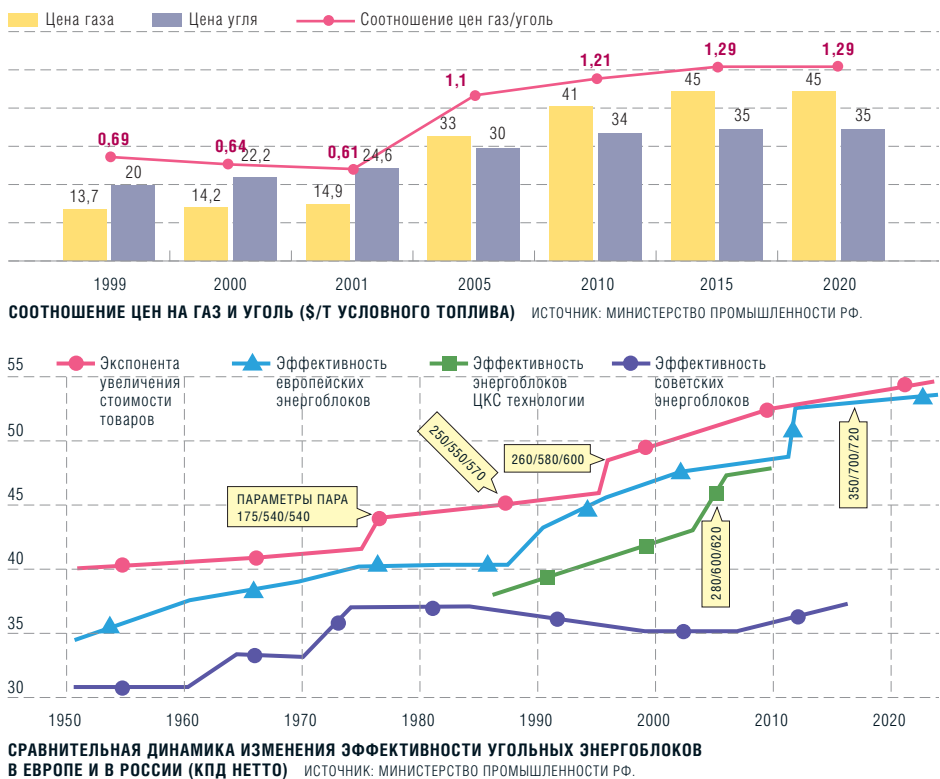
«Фактически, только СУЭК нацелена на построение масштабного бизнеса „уголь–электроэнергия–сбыт“. Для СУЭК это часть их стратегии, направленная в конечном счете на продажу части бизнеса. Чем больше бизнес будет разнесен на различных товарных рынках — угля, электроэнергии, тепла, — тем он более устойчив и, соответственно, дороже», — считает директор Фонда энергетического развития Сергей Пикин.

«Интеграция угля и генерации дает дополнительный синергический эффект. По отдельности угольные и генерирующие активы стоят дешевле, чем вместе. Для СУЭК это преимущество, которое позволит выручить больше денег в ходе IPO», — считает аналитик «Уралсиба» Матвей Тайц.

Перевооружение и новое строительство на подконтрольных ТГК может быть выгодно СУЭК еще и потому, что установка новых, более современных угольных энергоблоков позволит высвободить качественный уголь для экспорта — цены на рынках, особенно в странах Юго-Восточной Азии, растут. Например, в котле с циркулирующим кипящим слоем можно сжечь топливо с весьма широким спектром характеристик — влажности, зольности, летучести. Правда, технологии ЦКС пока для России новы, и у наших компаний нет опыта по их внедрению в промышленную эксплуатацию. Но в рамках так называемого плана «ГОЭРЛО-2» — развернутой инвестпрограммы на ближайшую пятилетку — российским энергетикам много чего придется освоить с нуля.

А вот дальневосточные перспективы СУЭК пока не очевидны. Энергосистема Дальнего Востока изолирована от единой энергосистемы России, и создание свободного рынка электроэнергии там пока не планируется. Поэтому угольщикам не удастся быстро получить экономические выгоды от интеграции генерирующих и угольных активов, и СУЭК останется только инвестором и поставщиком топлива. Заявленные планы по развитию дальневосточной энергетики — умеренно амбициозные: правопреемник РАО ЕЭС в регионе, РАО «Энергетические системы Востока» в ближайшие 5 лет хочет нарастить мощность на 13%.

Перспективы других угольных компаний по большей части кроются в весьма очевидных действиях. Правильно подсчитанная экономика проекта строительства угольной станции, повышение эффективности действующего оборудования, снижение издержек. Эти меры способны увеличить прибыль компаний, но вряд ли могут принести бешеные дивиденды. ■

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА